

<https://opteey.livejournal.com/>

**Редекоп Владимир
Петрович**

Воспоминания о деревне Григорьевка (основана в 1889, прекратила существование в 1926). Часть 2.

21 июня 2023

<https://opteey.livejournal.com/7303.html>

Эмиграция. Втайне многие из наших единоверцев уже решили эмигрировать, как это делали наши предки в прошлом, когда их религиозные убеждения не терпели. Поворот к лучшему поставил некоторые из этих решений под сомнение: может быть, лучше было остаться в России, чем отправиться в неопределенное будущее в страну, где язык, обычаи и обстоятельства будут сильно отличаться от привычных нам. И все же в 1923 году, когда четыре полностью заполненных поезда (более 4 000 человек) отправились в первый этап путешествия в Канаду, мнение снова изменилось в пользу эмиграции, и люди начали готовиться. Но они задавались вопросом, как им начать? Было решено послать кого-нибудь в Шенвизе, чтобы узнать, как действовать дальше. Это было как раз перед весенним севом, и никто не хотел тратить

время на планирование эмиграции. В Шенвизе не удалось получить ничего ценного, так как человек, который в последний раз занимался вопросами эмиграции, уехал на длительное время. Поэтому мы вернулись без нужной информации. Вскоре после посевной мы получили бланки заявлений, которые нужно было заполнить, чтобы получить разрешение на эмиграцию. Преподобный К. Б. Кран где-то раздобыл их. Их заполнение не заняло много времени. Тем же летом в Молочне проходила конференция, на которую мы послали некоего Петра Дейка, приехавшего в нашу деревню как беженец во время войны. Он отвез наши заявления в Орлов и доставил их в офис Союза граждан голландского происхождения (Verband der Bürger holländischer Herkunft). Там он узнал, что каждое заявление должно сопровождаться авансовым платежом. Поскольку он не знал об этом требовании, он не принес эти деньги. Но он не поддавался отчаянию. У него были друзья в Орлове, которые одолжили ему деньги, чтобы он мог завершить сделку с заявками. Таким образом, они оказались во главе списка одобренных. Однако из-за недоразумения наша группа была вынуждена ждать второй партии, арендованной летом. Из нашего села выехало 175 человек. Эта большая партия состояла из трех небольших групп: семнадцать вагонов из Молочны, семнадцать из поселка Игнатьевка и семнадцать из нашей деревни. Эти вагоны были не пассажирские, а обычные товарные. На половине высоты стен крепились знаменитые русские польки - грубые доски, предназначенные для постелей. Нас призвали быть готовыми к посадке на поезд на станции Барвенково в полдень 16 июля 1924 года. Наши вагоны должны были прибыть вместе с группой из Игнатьевки, которая должна была сесть на станции Константиновка. Но мы напрасно ждали в этот день. Наступила ночь, другой день, но никакого следа нашего поезда не было. Ночью мы спали на платформе под открытым небом. Проводить нас пришло много родственников и друзей, также наш Абрам Унгер. Когда он увидел, что это может занять некоторое время, он

поехал домой, где его жена испекла большую партию вишневых блинов. Отец Унгер доставил их нам на вокзал прямо перед посадкой. Он даже помог погрузить наш багаж, а затем поехал в Лорзовую, где мы должны были встретиться с группой из Молочны. Они ждали нас целый день. Мы были всего в двадцати пяти милях от нашей родной деревни, но здесь прощание было сказано всерьез; теперь мы действительно уезжали. При обычных обстоятельствах отъезд из родного села был бы нелегким. Ведь это было место, где мы родились и выросли, где много счастливых воспоминаний было связано с домом, двором, семьей, друзьями и соседями. В той или иной мере мы были связаны со всеми жителями деревни. И все же это прощание было не слишком трудным, ведь красные сделали уход легким. Каждый здравомыслящий человек знал о целях коммунизма и о том, что НЭП был просто интермедией перед террором, которому суждено было последовать, большим ударом против всей свободы. Нас также утешала мысль о том, что наши односельчане вскоре последуют за нами. Мы уже начали; для других решение будет более легким. Многие присоединились к нам на следующий год, некоторые – в 1925 и 1926 годах. Поскольку наша деревня была значительно изолирована от других меннонитских деревень, несколько оставшихся семей не могли рассчитывать на сохранение меннонитской деревенской жизни. Жители деревни согласились продать все свое имущество русским - в это время мы еще могли продавать свое имущество. Эта ликвидация произошла в 1926 году. Те, кто мог, эмигрировали в Канаду; те, кто не мог по медицинским или другим причинам, переехали в Молочненскую колонию. С этим Григорьевка прекратила свое существование как меннонитская деревня. Это было начало и конец, 1889-1926 годы».

Из семейного альбома: нарядная молодежь.

Рассказ Elisabeth Peters. «Общение. Средства связи имели большое значение в то время, когда в довольно большом населенном пункте не было ни телефонной связи, ни доставки почты. Но новости и информация распространялись удивительно быстро. Официальные объявления, например, о деревенском собрании (Schuldebott), писались на листке бумаги (Zadill) в офисе мэра (Schult) и рассылались в каждую из четырех частей деревни. Дети, которые обычно несли Zadill соседям, были тщательно обучены доставлять их немедленно, и их проверяли после возвращения от соседей. К любому Zadill относились с уважением. Степень срочности передавалась одним словом: Foats (прямо сейчас). Если объявление было анонсом к очередному собранию, оно гласило: "Тоо Schulten onn wida aunsajen" (На деревенское собрание, и передай объявление). Если собрание было срочным, то оно гласило: "Foats to Schulten onn wieda aunsajen". Эта система была очень эффективной. Таким же образом доставлялись приглашения на свадьбу и похороны.

Из семейного альбома: родственники моей бабушки.

Общественное попечение. Насколько я знаю, в Григорьевке не было случаев крайней бедности, возможно, из-за избирательного членства при ее основании. Но когда возникали случаи нищенского положения в семье, обычно из-за смерти супруга или финансового несчастья, как, например, в случае с мельничным предприятием, в дело вступал сельский совет (Dorfsrat). Как и во всех меннонитских поселениях, дети из семей, оставшихся без родителей из-за смерти или безнадежных домашних условий, помещались в приемные семьи, обычно к родственникам, а не в учреждения, которые не могли заменить счастливой домашней обстановки в семье. Для детей, оставшихся без родителей, назначался опекун (Vormund), для вдов - советник (Gootmaun). Применялось тщательное, хотя и тайное, рассмотрение вопроса о том, чтобы дети были хорошо устроены. Их финансовые активы,

если таковые имелись, обеспечивались через законы о наследовании путем официальной регистрации в Waisenamt (совет сирот). В старой колонии Хортица был только один Waisenamt, в Молочне - два.

[Scott Sheppard 13 мая 2023 задал вопрос в группе Mennonite Genealogy & History «Кто-нибудь может подробно объяснить, почему меннониты в России и ранее в Западной Пруссии были непрерывно женаты/замужем? Умирает супруг и они быстро снова женятся/выходят замуж». Из ответов: Жизнь до современных удобств и контроля рождаемости отличалась от того, что мы можем представить. Независимость ценилась не так как сейчас. Системы социальной поддержки — это относительно недавнее изобретение, браки по договоренности и для сохранения семейного имущества, земельной собственности, ради устойчивого землевладения — были нормой. Мужчине нужен был кто-то, кто ухаживает за домом, готовит еду, пока они работали. А детям нужна была мама. Если женщина овдовела, ей необходима была помощь, чтобы содержать семью. Если мужчина терял свою жену и мать своих детей, то сестра жены или домработницы часто брали на себя заботу о детях. Это часто приводило к отношениям с вдовцом. Возможно, это было узаконивание их проживания в его доме. Иногда вдова и вдовец объединялись чтобы выжить. Ветхий завет учит, что мужчина должен заботиться о жене брата, если брат умрет, это же касается и заботы об овдовевшем супруге сестры. Кто, как не тётя могла бы быть лучшей матерью для детей, потерявших родную мать. Многодетная семья — пенсионный план для родителей].

Общій семейный списокъ.															
№ по порядку.	Имя, фамилія и время бракосочетанія.	Имя и фамилія родителей.	Записанъ по ревизіи.	Время рожденія.			Мѣсто рожденія.	Время крещенія.			Мѣсто крещенія.	Время смерти.			Мѣсто смерти.
				Годъ.	Мѣсяцъ.	Число.		Годъ.	Мѣсяцъ.	Число.		Годъ.	Мѣсяцъ.	Число.	
I.	Абрахамъ Редекопъ вступилъ въ бракъ 1892 Февраль 2 гдн на	Исаакъ Редекопъ Сара Виль Герардъ Мартенс	Михаелъ	1888	Сентябрь	22		1892	Январь	18					
II.	Марія Мартенсъ дѣв. Абрамъ Редекопъ вступилъ въ второй бракъ 1923 г. на вѣв. Юстинѣ Мартенс	Анна Гийрсовъ Генрихъ Мартенс Анна Гийрсовъ	181	1889	Октябрь	26		1899	Январь	18		1920	Ноябрь	5	Александровка
III.		Генрихъ Мартенс Анна Гийрсовъ		1878	Августъ	26		1897	Мартъ	25		1926	Февраль		Александровка

Пример: сын моего пра-прадеда Абрахам Исаак Редекоп в 1892 году женился на Марии Мартенс, а в 1923 году — на ее сестре — Юстине Мартенс (1923 Orenburg Census, page 313, <https://chortitza.org/spisok.php>).

 MENU

GReNDMA OnLine 7
Prussian/Russian Mennonite Genealogy

Individual Profile

Heinrich Epp¹
#126946 /061he

Birth:	Born: 26 January, 1861, Novo Podolsk, Judenplan, South Russia ^{2,3,4,5} [village details]
Death:	Died: 18 June, 1941, Adelsheim, Yazykovo, South Russia
Facts & events:	Occupation: Aeltester
Parents:	Father: Epp, Dietrich David (#69117) ^{6,7,8} 19 February, 1819, Chortitza, Chortitza, South Russia ^{2,9,10} Mother: Siemens, Katharina (#126934) ^{8,11} 24 January, 1821 ^{2,9}
Family 1:	Spouse: Redekop, Sara (#176514) ^{1,3} 19 January, 1865, South Russia ^{2,4,12} Married: 30 August, 1883, South Russia ² Children: 1 -- + Epp, Isaak (#434961) ¹³ 15 September, 1884, Michaelsburg, South Russia ^{2,3,14} 2 -- + Epp, Dietrich (#434960) 7 June, 1886, Michaelsburg, Fuerstenland, South Russia ^{1,2} 3 -- + Epp, Heinrich H. (#434957) 11 March, 1889, Michaelsburg, Fuerstenland, South Russia ^{2,3,15} 4 -- + Epp, David (#434958) 13 January, 1892 ² 5 -- + Epp, Peter H. (#434959) 26 September, 1897, Burwalde, Chortitza, South Russia ^{2,16,17}
Family 2:	Spouse: Redekop, Aganetha (#176521) ¹⁸ 1 January, 1878, Michaelsburg, Fuerstenland, South Russia ^{2,19,20} Married: 31 December, 1909, Michaelsburg, Fuerstenland, South Russia ^{2,21} Child: 1 -- Epp, Aganetha (#71798) 21 March, 1914, Neuendorf, Chortitza, South Russia ²²

Еще один пример: Генрих Эпп был женат на двух дочерях моего пра-прадеда — Заре и Аганете.

Еще одной особенностью жизни меннонитской деревни был **ночной сторож** (Nachtwajchta), который охранял общину с 22:00 вечера до 6:00 утра следующего дня. Меннонитский сельский совет очень тщательно следил за тем, чтобы нанять ответственного человека. Я до сих пор помню напев, который сторож пел или говорил во время прогулок по темным улицам и садам, чтобы успокоить жителей деревни, когда они слышали причудливые рифмы. "Hört, ihr Leute, lasst euch sagen, die Glock' hat eben zwölf geschlagen." (Слышите, люди, дайте мне сказать, часы пробили двенадцать часов.) Это было не совсем верно, потому что ни в одной из наших меннонитских церквей не было колоколов, но у сторожа была трещетка, которая звучала всю ночь, когда он энергично тряс ее. Сторожа были немцами, а не меннонитами; мы называли их Kolnisten. Они приезжали из отдаленных немецких лютеранских колоний на Украине, которые были не такими процветающими, как меннонитские поселения, поэтому мужчины были рады получить работу за справедливую плату. Я не знаю, решили ли меннониты не быть сторожами, или же они не хотели выставлять своих людей на улицы из-за риска физического насилия, что противоречило нашим принципам веры. Сторож стал привычной фигурой в деревне в мирные предреволюционные годы. Самой большой угрозой тогда была встреча с арбузными ворами из соседних украинских сел.

Деревенская система требовала совместных усилий для решения различных общественных проблем, одной из важнейших среди которых была сельская **добровольная пожарная дружина**. Пожарная машина размещалась в специальном сарае (buttje). В годы анархии недовольные элементы среди рабочих-меннонитов после каких-либо разногласий со своим меннонитским работодателем срывали свой гнев, поджигая большие стога соломы в задней части сараев и других хозяйственных построек. Часто пожарные команды из Барвенково и Гавриловки

вызывались на помощь старостой деревни, у которого был телефон.

В жаркие весенние и летние дни всегда существовала **опасность бешеных собак**, но случаев гидрофобии у Григорьевки было немного. Один из самых тревожных случаев произошел с нашей семьей в 1918 году (см. главу 3). Все село приняло участие в попытке уничтожить бешеных животных и помочь семьям, в которых кто-то из членов семьи был укушен бешеной собакой.

В деревне не было ни врача, ни аптеки, но когда господин Абрам Крюгер-младший приезжал в Григорьевку, все, кому нужна была **медицинская помощь**, шли к нему в дом Арона Вибе, семьи его жены. Пациенты всегда ждали этого очень компетентного, доброго мануального терапевта, который никогда не требовал платы, но я полагаю, что он был рад получить продукты или товары, когда деньги мало что стоили. В деревнях Старой колонии были свои знаменитые мануальные терапевты (Trajchtmoakasch), но, как правило, не в каждой деревне был свой врач. В Григорьевке для лечения большинства болезней обращались к старухе Mumtje Wiensche (Mrs. Wiens) или Taunte Oarendt Bruenschi (Mrs Aron Braun).

Социальная жизнь. Несмотря на трудные революционные времена, молодежь Григорьевки, которые сегодня уже старики и старухи, все еще с удовольствием вспоминают хорошие времена, когда они были молодыми. Вполне вероятно, что новые правительственные постановления с их акцентом на физическую подготовку, гимнастику, собрания, футбольные матчи и клубы, выполнялись молодыми людьми, игравшими в футбол или soccer в воскресенье днем, и предписанное здание клуба - в коммунистические времена обычно церковные здания превращались в театры - стало ненужным из-за воскресных вечерних общественных собраний, свободно организованных в гостиной (Groote Stow) больших домов. Оркестр обеспечивал

музыку для бальных танцев, таких как вальсы, а также народные танцы и, конечно же, сложные красивые чардаши. Для тех, кто не хотел танцевать, проводились игры, самыми известными из которых были Schlüsselbund and Grunes Gras. Schlüsselbund начинает мужчина, несущий тяжелый набор ключей. Он кланяется девушке, она берет его за руку, и они начинают прогуливаться по кругу, напевая знакомую песню. Все остальные присоединяются и следуют их примеру. Когда ключи брошены, все бегут на свои места; тот, кто опоздал на место, должен начать следующий круг. Иногда громко провозглашался выбор дам (Damenwahl), но он никогда не был очень популярен. Grünes Gras была похожей игрой в кругу с песнями, которые, должно быть, были привезены из Пруссии, причудливые и деревенские, с отсылками к монастырской жизни (Klosterleben), возможно, восходящими к Реформации.

Из семейного альбома: семья моей бабушки

В течение года проводилось много свадеб, которые играли важную роль в общественной жизни молодежи из Григорьевки. Когда пара планировала пожениться, в церкви читали заупокойную молитву, а в доме невесты устраивали **помолвку** (Verlobung). Приглашались родственники и друзья. Помолвленным предстояли напряженные недели, так как они должны были принять множество приглашений на светский ужин, которые они получали до свадьбы.

Вечер перед свадьбой назывался Polterabend. Полтер означает "шум", и это событие может быть следствием гораздо более раннего языческого поверья о том, что перед свадьбой полтергейст (mischief-imp) должен быть отпугнут громкими звуками, такими как звон бьющейся посуды или металлических совков. Этот брачный вечер проводился в амбаре родителей невесты, где обычно проходил свадебный прием после церковного обряда. Молодые люди провели день перед свадьбой, украшая стены здания свежими зелеными ветками, перевозя стулья и столы, позаимствованные по этому случаю из разных домов, и разучивая пьесы и сценки для вечернего развлечения, в значительной степени полагаясь на пение и оркестровую музыку. Для пары приносили подарки и ставили их на столы, украшенные красочными букетами, хотя в трудные 1920-е годы подарков было мало. Пары, очевидно, не были слишком обеспокоены и с удовольствием сидели на своих "свадебных" стульях, вокруг которых были намотаны изящные гирлянды. В ту эпоху банты из лент чаще всего заимствовались у недавних невест, потому что на рынке было очень мало шелка или другого текстиля.

Из семейного альбома: во дворе дома Классен

Свадебная церемония проходила в церкви. Многие молодые пары, которые были приглашены, следовали за женихом и невестой и девушками-цветочницами, которые разбрасывали лепестки цветов на прогулке до самой церкви в длинной процессии. Люди теперь знали, кто с кем идет "всерьез", и ожидали, что вскоре последуют и другие свадьбы. Невеста всегда была одета в белое, а ее фата была закреплена миртовым венком в знак ее целомудрия. (Согласно старым фотографиям, обычай надевать белое и фату вошел в обиход только во второй половине XIX века). Жених надевал бутоньерку из белых цветов, скрепленную белой атласной лентой. После церемонии в экстравагантно украшенной цветами церкви процессия направилась в дом невесты для ужина и вечерних развлечений. Трапеза проходила за длинными столами, покрытыми белыми скатертями, которые были одолжены у соседей и друзей и украшены множеством ваз с цветами. Обычно еда состояла из

Plumimoos (фруктовый суп) и Schintjefieisch (копченый окорок) с Zwieback и Platz. Свадебного торта никогда не было. В прежние, более благополучные времена, как мне рассказывали, подавали также Rindsupp или борщ и горячие блюда. Во время трапезы пару громко окликали русским словом "Горько" - смысл этого слова заключался в том, что пара должна поцеловаться, чтобы подсластить отношения. Когда трапеза заканчивалась, молодые люди спешили домой, чтобы заняться хозяйством и дойкой, затем снова надевали свои воскресные одежды и возвращались на свадьбу, чтобы провести вечер в веселье, танцах и играх. Ближе к концу вечера проводилась еще одна особенная церемония - "Kranz und Schleier ausspielen", что означает избавление от фаты и венка, что-то вроде того, как сегодня бросают букет, но гораздо более формально. Все незамужние девушки объединялись в большой круг, глаза невесты были завязаны, и ее просили встать в центре, держа поднос, на котором лежали фата и венок. Затем сестра или близкая подруга прикалывала к ее волосам белый бант - символ библейского головного убора, обозначающего замужнюю женщину. Ее кружили три раза и подводили к девушке, которая должна была взять фату и миртовый венок. Тем временем круг девушек водили хоровод вокруг, взявшись за руки, исполняя известный свадебный хор Вебера. Жениху завязывали глаза, пока он вручал свою бутоньерку молодому человеку, который был известен как ухажер или поклонник девушки, получившей венок. Когда эта церемония заканчивалась, жених и невеста садились на украшенные гирляндами стулья лицом друг к другу, и рой молодых людей поднимал их в воздух, крича "Горько". Девушку и юношу, получивших венок и бутоньерку соответственно, тоже поднимали и не опускали, пока они не целовались, обычно робко. Родителей и важных персон поднимали в воздух, и когда пожилые пары слышали "Горько", они спокойно следовали процедуре поцелуя, но иногда возражали: "Na, daut's aul nich needig, wie sennji aul ohlt." (Теперь в этом нет необходимости, ведь мы такие старые). Часто в этот

момент на улице раздавались выстрелы в честь окончания свадьбы, молодые люди стреляли в воздух, чтобы шумно проводить молодоженов, но не в медовый месяц, а в комнату для мальчиков (Sommasow) родителей жениха, где они, вероятно, будут жить, пока для них не найдут землю или Wirtschaft.

Свадьба моего дедушки Петра Редекон и бабушки Екатерины Классен, 18.06.1936

Свадьба моего дедушки Петра Редеккоп и бабушки Екатерины Классен, 18.06.1936

Похороны. В деревне не было официальных гробовщиков, но старые, опытные женщины выполняли необходимые работы по омовению и одеванию умершего. Открытый гроб изготавливался вручную, часто членами семьи мужского пола, иногда плотниками. О похоронах снова объявляли, посылая пригласительное письмо из дома в дом. Вся деревня помогала готовить трапезу (Vaspa), которая следовала за церковной службой. Сливки, масло, муку и другие необходимые продукты приносили в дом умершего, и если семья хотела испечь Zwieback дома, женщины добровольно приходили и помогали замешивать тесто, месить, выкладывать маленькие шарики теста на длинные листы для выпечки и выпекать их.

Epiphany. Со временем многие обычаи стали традиционными. Первым праздником в новом году стало крещение, богоявление (Heilige-drei-Konigstag), которое совпало с датой русского Рождества 6 января. Обед, который всегда проходил в полдень, обед состоял из супа из сушеных бобов (dreaji Schaubelsupp) с

соленой свининой (Peatjilfleisch). Когда мы приехали в Канаду в 1925 году, мы были поражены тем, что в доме нашего дяди в новой стране мы ели то же самое. Он приехал в 1874 году.

Пасхальные обряды. Зимы в Григорьевке были, пожалуй, немного короче, чем в канадских прериях, и погода на Пасху часто была очень приятной. День перед Страстной пятницей назывался Grundonnerstag или Jreeni Donnadach (Зеленый четверг). Во всех домах проводилась свежая и очень тщательная весенняя уборка. Дети приносили кисличные ивы, которые было трудно достать - у нас были фруктовые деревья, но не так много "бесполезных" ив на фермах. Примерно за неделю до Зеленого четверга каждая семья сажала немного ячменя в причудливую тарелку, наполненную хорошей землей. Если в доме было тепло и влажно и много солнечного света, то тарелка с ячменем (Joascht) становился зеленой и выглядел красиво, особенно когда в него клали крашеные яйца. Во всех домах пахло одинаково — каждая хозяйка пекла традиционный Кулич (пасхальный хлеб), обычай, перенятый у украинцев. В них было много яиц, которые дети по очереди взбивали вилками - позже, когда вилок не было, вилками - и выпекали в банках размером с наши ведра для сиропа. Кулич имел настоящий успех, если сверху ее закрывали шляпкой, похожей на гриб, и украшали самодельной глазурью. Обычно для каждого ребенка пекли маленькие куличи в жестяных кружках. Я видел, что эта традиция с ячменем и куличом сохраняется во многих американских и канадских домах семей меннонитов. Так же как Рождество не может быть без рождественского дерева, Пасха не могла быть без Кулича и крашеных яиц в тарелке с зеленым ячменем. Молодые люди Григорьевки были заняты накануне Страстной пятницы еще одним "обязательным" делом были огромные деревенские пасхальные качели, возводимые каждый пасхальный сезон. Каждый год качели строились на разных Wirtschaft . Я помню нашу последнюю Пасху в Григорьевке, когда качели были построены на дворе покойного

священника Петра Функа, где Яков Паулс, известный и уважаемый в Канаде Älteste, ухаживал за прекрасной молодой дочерью Марихен Функ.

Pentecost (Pfungsten, Троицын день). Следующей в календаре была Pfungsten. К этому времени сирень и пионы были в полном цвету, дикие груши обильно цвели, а Григорьевка была самой красивой. Большинство семей старались пораньше закончить специальную уборку (Frechten), работу во дворе и приготовление пищи, в которую входил ячмень или перловка (Jrettimaltj), чтобы успеть отпраздновать радостные дни Pfungsten, когда происходило крещение тех молодых людей, которые желали присоединиться к церкви. Это всегда было торжественное (feierliche) событие, для которого школьная комната была украшена изобилием цветов. Älteste и Vorsänger в своих черных фраках (Saturratj) придавали ритуалу крещения еще больший трепет и благоговение. Крещаемые девочки были одеты в белое, а к их платью обычно прикалывали весенний цветок. Поскольку дети до двенадцати лет обычно не присутствовали на крещении - возможно, потому, что причастие подавалось сразу после церемонии и дети не могли в нем участвовать, - у меня никогда не было возможности посетить этот праздник (Feier) в России. У нас не было постоянного Älteste, и нас обслуживал один из них из Нью-Йорка, Генрих Функ, брат нашей матери, который крестил мою старшую сестру Катю в 1923 году, и господин Унрау, тоже из Нью-Йорка, который крестил мою сестру Нюту в 1925 году. Pfungsten всегда был радостным событием.

May Day (Maifest). Ранней весной школьники и молодежь наслаждались весенним праздником Maifest, который всегда проводится 1 мая. К этому времени вернулись ласточки, а аист на крыше сарая Тиссена восстановил свое гнездо. Возвращение ласточек свидетельствовало о том, что погода была достаточно теплой, чтобы ходить босиком по мягкой теплой земле. Вся деревня была в цвету, кукушка произнесла свое приятное

приветствие, а пугливый соловей устроил гнездо в кустах, которое он занимал предыдущим летом. Большинство жителей деревни приняли участие в первомайском празднике. Длинные сеновалы (Laddawoages) были украшены навесами из зеленых веток. Школьники свесили ноги между перекладинами лестницы, которая была установлена по бокам повозки, многие энергично боролись за желанное место на "Dook" - торцевом выступе доски пола повозки, который красиво подпрыгивал, когда лошади переходили на бодрую рысь. Девушки были одеты в свои лучшие белые платья с цветными поясами. Было много шуток и смеха, когда погонщики взмахнули кнутами, и кавалькада повозок отправилась в конец деревни, по длинной главной улице и дальше в лес, расположенный в нескольких километрах. Было также много пения, и все удивлялись прекрасным голосам участников праздника и их широкому репертуару немецких и русских народных песен, которые они знали наизусть. Обеды были приготовлены заботливыми мамами, а салфетки для пикника на зеленой поляне с разложенными на них лакомствами были украшены цветами. После еды играли в игры и проводили конкурсы. Не знаю, всегда ли так праздновали первое мая, но, безусловно, нынешняя власть поддерживала, если не инициировала, первомайские праздники, хотя в Григорьевке они не имели особого политического значения.

Рождество. Самым счастливым временем года, по крайней мере для детей, было Рождество, как и сегодня во всем христианском мире. Подарки, конечно, были не такими замысловатыми, как сегодня, и их никогда не заворачивали. Школьник был очень рад получить карандаш с красным грифелем на одном конце и синим на другом. Коробка мелков была поистине непомерным подарком, хотя наибольшей популярностью пользовались куклы и маленькие деревянные лошадки. Все высокие праздники, такие как Рождество, Пасха и Pfingsten, отмечались в течение трех дней. Первый день Рождества проводили в кругу семьи, второй - с

родственниками, которые, как я понял, чередовались каждый второй год; третий день отводился для общего посещения родственников или друзей. Традиционные блюда были практичными и готовились накануне. Свечи для рождественской елки часто делали дома из топленого жира, хотя иногда использовали воск. После рождественского концерта, проходившего в школе или церкви, голодные члены семьи часто шли на заднюю кухню (Hinjatüs), чтобы съесть кусок "красной" (мясной) колбасы с уксусом или кусок головного сыра или свиных окороков (Sillfleisch) с куском хлеба. После короткой ночи, вызванной тем, что возбужденные дети будили своих уставших родителей, чтобы показать им свои подарки, завтрак съедался рано. Когда на улице еще было темно, зажигали елку, гасили лампу, и мы, дети, складывали руки и торжественно становились перед родителями, чтобы произнести "Weihnachtswunsch". (Рождественское стихотворение о благодарности и привязанности к родителям). А затем наступила та часть, которая нам так понравилась. Мы пели наши чудесные колядки, которые все мы знали на память, хотя никто из нас не помнил, что учил их формально. Григорьевка, насколько я знаю, была уникальна тем, что в канун Рождества хор пел колядки за окнами деревенских домов. Как мне рассказывали, эту практику начал мой отец. Мы все с нетерпением ждали пения, пока расставляли тарелки для Санты под елку или на рождественский стол, чтобы их нашел Weihnachtsmann, когда они спали.

Канун Нового года (Sylvester). В канун Нового года семьи и друзья собирались на досуге в гостях, вели серьезные разговоры в кругу старших, а молодежь наслаждалась привычными светскими развлечениями. Снова, как и после свадеб, молодые люди стреляли из ружей, приветствуя новый год и прощаясь со старым. Часто молодые люди из соседних украинских деревень приходили рано утром под Новый год, чтобы высказать свои добрые пожелания семье, чей дом они посещали. Им давали

несколько монет или знакомые Portzeltji (оладьи из теста с изюмом, обжаренные во фритюре). Их пекли так много, и запах от горячего, жареного во фритюре теста был настолько пронизывающим, что на следующее утро в церкви от них пахло одеждой и пальто. В течение десятилетий начало года праздновалось несколько задумчиво, но в то же время радостно, пока Григорьевки больше не стало».